

ПУБЛИКАЦИЯ РУКОПИСЕЙ

В. М. Алексеев

ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО БЫТА (ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ Т. И. ВИНОГРАДОВОЙ)*

АННОТАЦИЯ. Статья В. М. Алексеева «Вопросы духовного быта» была написана в 1940–1941 гг. Рукопись статьи хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 820, оп. 1, д. 460). Т. И. Виноградова исследовала опубликованные и архивные тексты В. М. Алексеева конца 1920-х — начала 1940-х годов, посвященные различным аспектам изучения китайской культуры, религии и морали, и пришла к выводу, что при подготовке «Вопросов духовного быта» были использованы материалы статьи «Китайская мораль на китайской народной картине», которой В. М. Алексеев, очевидно, очень дорожил и неоднократно тщетно пытался опубликовать. В настоящее время эту статью следует признать утерянной. В СПбФ АРАН хранится только ее черновик (ф. 820, оп. 1, д. 449) в виде предварительных материалов на карточках, что позволяет восстановить ее структуру. Задачей статьи о китайской морали В. М. Алексеев считал реконструкцию системы китайской традиционной морали на основе материалов, предоставляемых народной картиной, тогда как «Вопросы духовного быта» посвящены главным образом реконструкции религиозной жизни Китая в новых исторических условиях. Статья является продуктом своего времени, но ее антирелигиозный пафос не заслоняет интереснейших зарисовок этнографического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. М. Алексеев (1881–1951), Санкт-Петербургский филиал архива РАН, китайская народная картина, китайская мораль, религии в Китае

УДК 392:008(510)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-202-219

АЛЕКСЕЕВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1881–1951) — востоковед-китаевед, проф., акад. АН СССР. Архивная публикация

* Публикацию подготовила Виноградова Татьяна Игоревна (зав. отделом литературы стран Азии и Африки, Библиотека РАН) при поддержке гранта РФФИ № 19-59-52001 МНТ_а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

В конце 1920-х — 1930-е годы Василий Михайлович Алексеев, оставив надежду опубликовать свои коллекции надлежащим образом, работал, иногда почти одновременно, над несколькими статьями либо о китайских народных картинах, либо о тех аспектах китайской культуры, которые можно было бы проиллюстрировать народными картинами. Часть этих статей полностью или частично вошли в том «Китайская народная картина» (Алексеев 1966), подготовленный после смерти ученого его вдовой и учениками. Статью, озаглавленную «Китайская народная картинка как социальный заказ и как классовое выполнение», написанную В. М. Алексеевым в 1936 г., мы сочли нужным опубликовать в первом номере журнала «Этнография» за 2020 г. (Виноградова 2020: 76–93). Об одной неопубликованной статье В. М. Алексеева много и подробно рассказывается в так называемой Синологической картотеке ученого — составленной им карточной росписи всех своих бумаг (далее — Картотека). Называется статья «[Китайская] мораль на китайской народной картине» и полным ее текстом мы сейчас не располагаем. В фонде В. М. Алексеева Санкт-Петербургского филиала архива РАН (ф. 820, оп. 1, д. 460) хранится рукопись под названием «Вопросы духовного быта», датированная 1941 г. Оба эти текста, как и все, вышедшее из-под пера В. М. Алексеева, заслуживают пристального внимания.

Задумав статью именно о морали, В. М. Алексеев пытается предварительно выяснить, что в современной науке подразумевается под этим термином. Он знакомится с отзывами на книгу финского философа Эдварда Вестермарка¹ «Происхождение и развитие моральных идей» (Westermarck 1928), о чем есть запись в Картотеке, а также поручает своему ученику Ю. К. Щуцкому обобщить имеющиеся сведения об этом предмете: *Ю. К. Щуцкий. Заметки о морали (по моей просьбе, для лекции о морали на китайской народной картине) 1929*². Среди бумаг ученого также хранились *Заметки Б. А. Васильева и Ю. К. Щуцкого на лекцию Мораль на китайской народной картине*.

Статья о морали была готова к публикации, В. М. Алексеев имел бурную переписку по ее поводу с вышестоящими инстанциями, дело растянулось почти на десять лет, статья так и не увидела света:

В. М. Алексеев. Китайская мораль на китайской народной картине (Рукопись, возвращенная Дебориным); Отзыв анонима из РИСО о моей статье «Китайская народная мораль на китайской народной картине». Дек. 1936; Сопроводительное письмо о возвращении мне рукописи и альбомов «Китайской морали» 28 дек. 1937 г. Письмо Деборина от 5.10. 37... возвращенная для пересмотра и исправления рукопись «Кит. мораль»; Письмо Чокина о присылке макета к «Китайской морали».

Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе, 1881–1963) — советский философ, директор Института философии АН СССР. Один из трех кандидатов-коммунистов, которые не прошли выборы в академики АН СССР в январе 1929 г., когда академиком был выбран В. М. Алексеев. Избран академиком через месяц, в феврале 1929 г., с начала 1930-х годов стал подвергаться критике, был освобожден от многих руководящих постов, но оставался работать в системе Академии наук, отвечая, среди прочего, за издательскую деятельность. Судя по упоминаниям в Картотеке, именно этому человеку В. М. Алексеев посылал свои рукописи — и получал их обратно³. Подробностей о Чокине установить не удалось, но стоит обратить внимание на то, что в заметке о нем речь идет уже не о рукописи, а о готовом макете статьи.

В Картотеке много записей о том, что В. М. Алексеевым была сделана специальная подборка народных картин, иллюстрирующих лекцию/статью о китайской морали: список, диапозитивы, фотографии, негативы (в особой коробке), подробное описание.

Библиография работ В. М. Алексеева о китайской народной картине (Алексеев 1966: 248) свидетельствует о том, что текст статьи и «Подробное описание картин к статье “Китайская мораль

¹ Эдвард Вестермарк (Edvard Alexander Westermarck, 1862–1939) — финский шведскоязычный социолог, профессор Лондонского университета, антрополог и философ, много занимался сексологией, исследуя полигамию, промискуитет и запреты на инцест.

² Здесь и далее курсивом набраны цитаты из Синологической картотеки В. М. Алексеева.

³ О взаимоотношениях В. М. Алексеева и А. М. Деборина см.: (Виноградова 2018: 292–293).

на китайской народной картине”» хранятся в домашнем архиве Н. М. Алексеевой, а черновик статьи — в Архиве РАН (ф. 820, оп. 1, д. 161). Библиография была составлена после того, как вдова ученого передала в Архив огромное количество его бумаг, оставив в домашнем архиве необходимые ей для работы научные тексты, равно как и документы личного характера. После смерти Марианны Васильевны Баньковской (1927–2009) наследники передали большое количество документов в Архив, бумаги еще не разобраны и не включены в описи. Нынешнее закрытие Архива в связи с подготовкой к переезду откладывает даже теоретическую возможность знакомства с этими текстами на неопределенный срок. Поэтому приходится довольствоваться анализом тех документов, которые нам доступны сейчас. Итак, рукописью статьи о китайской морали мы не располагаем, а то, что названо черновиком к ней, представляет собой следующее.

Ф. 820. Оп. 1. Д. 449. Мораль на китайской народной картине. Конспект лекции. Автограф. Машинопись. На рус., англ. и кит. языках. 27 сентября 1929 г. 213 л.

Шифр дела по систематизации В. М. Алексеева: 未 25 (*вэй*, 8-й циклический знак). В деле есть также запись, что с ним в мае 1962 г. познакомилась М. В. Баньковская.

Первый лист — фрагмент речи В. М. Алексеева, которую он намеревался прочесть перед началом цикла своих лекций о китайской народной картине в немецких университетах в 1929 г. Поездке помешала болезнь ученого: «1929. Был приглашен прочитать несколько лекций по синологии в германских университетах Берлина, Халле, Гамбурга, Франкфурта на М., Лейпцига. По болезни поездка не состоялась» (Алексеев 1972: 156). Альфред Форке (Alfred Forke, 1867–1944), к которому заочно обращается В. М. Алексеев — специалист по китайской классической философии, в 1929 г. был профессором Гамбургского университета, возглавлял синологическую кафедру.

«Появляясь в Вашем прекрасном и знаменитом университете, спешу прежде всего засвидетельствовать свою глубочайшую благодарность как самому университету, так и ближайшему для меня по специальности лицу, профессору доктору Форке, тому самому знаменитому синологу, на прекрасных трудах которого воспиталось много синологических поколений, в том числе и мое поколение, и сам я. Мне приятно отметить всю значительность его работ и, хотя в настоящей своей лекции мне вряд ли суждено подняться до высоты его научных обобщений, однако, я надеюсь, мне удастся кое в чем быть интересным и для него, и для всех других сегодняшних уважаемых слушателей.

В одной из лекций, которые в эту поездку я привез с собой в Германию, я высказал мысль о том...». Здесь рукопись обрывается. Далее следует список шифров 28 диапозитивов, подготовленных к немецким лекциям, и множество листков с полустертыми карандашными надписями. Вот что удалось расшифровать, в самом общем виде и без цитат.

1. Восстановить китайскую мораль очень трудно, так как в своем «народном» виде она доносится до нас полуучеными мастерами народной картины. Суть в том, что на основе народных картин — хуаров, а не книг и профессиональных текстов, нужно понять китайскую мораль как таковую, а не именно мораль картин.

2. В основе китайской морали лежит конфуцианское уважение к ученым и науке.

3. Счастье или мораль.

4. Суждения о китайской морали: привычка к работе, вкус к ней, терпение; уважение к ученым; нет лицемерия: у нас внешнее благополучие презирается, а у китайцев — восхваляется.

5. Фетишизм денег.

6. Убивают девочек, продают их.

7. Заключение: «Кривые оценки европейцев».

Затем следуют карточки красного цвета, употребленные в качестве разделителей, на каждой написан либо иероглиф, обозначающий какую-либо категорию китайской философии/морали, либо соответствующее понятие по-русски. Карточки, помещенные внутри рубрик, написаны карандашом, текст едва читается:

善 / шань, добро;
孝 / сяо, сыновняя почтительность;
教書 / цзяошу, обучение;
Культ дружбы;
忍 / жэнь, терпение;
和 / хэ, мир;
Театральные истории 忠 / чжун, верность;
Конфуцианские формулы;
Буддийская мораль;
Антиконфуцианство;
Мораль синкретизма;
戒 / цзе, пост;
Устрашение;
Спириты.

Заключение: разрушение морали в Китае идет во всяком случае в ногу с мировыми аналогичными разрушениями, не опережая их.

В этом перечне можно усмотреть оглавление, схему статьи о морали. Судя по записям в Картотеке, попыток опубликовать ее не было после неудачи 1937 г. В 1941 г. В. М. Алексеев пишет статью под названием «Вопросы духовного быта».

Термином «духовный быт» В. М. Алексеев ни раньше, ни позже не пользовался. В Картотеке содержится много упоминаний «морали», «моральных поучений» — буддийских, даосских, конфуцианских, спиритических, «духовной культуры», «китайского быта», «супружеской идеологии», «героического сыновнего служения», рассредоточенных по разным рубрикам. В четвертом ящике Картотеки есть большой раздел «Быт»: вначале собраны материалы о быте собственном, своих коллег и семьи, потом располагаются карточки о китайском быте как объекте научного исследования. Из всех контекстов словоупотребления следует, что слово «быт» однозначно понималось В. М. Алексеевым в привычном и поныне значении: быт как повседневный уклад жизни, нечто противоположное духу, а не объединенное с ним в одно целое. В довоенных текстах устойчивого сочетания «духовный быт» не замечено, но в конце XIX в. и на рубеже веков так называлась литература из жизни духовенства, например в 1903 г. вышла книга Игнатия Николаевича Потапенко «Повести и рассказы из духовного быта». Некоторые фрагменты статьи В. М. Алексеева можно с некоторой натяжкой отнести к рассказам из жизни китайского духовенства, но их явно недостаточно, для того чтобы делать заглавием всего текста.

В той же рубрике «Быт» есть карточка, к которой приклеен вырезанный ножницами из академического издания «Рефераты научно-исследовательских работ» отрывок типографского текста: «26. Вопросы китайского быта (Докладывалось в Институте востоковедения АН СССР). Эта статья как часть популярного энциклопедического сборника 1941 г. была в том же году подготовлена к печати, но эвакуация задержала ее окончательное оформление до 1945 г. В ней даются наблюдения Китаиста-путешественника в 1907, 1912 и 1926 гг., которые, конечно, могут быть легко распространены, ибо материалов у автора гораздо больше, чем те, которые были привлечены сюда и обусловлены листажным лимитом». Совершенно очевидно, что речь идет о статье, озаглавленной «Вопросы духовного быта». Очевидно также, что под популярным сборником понимается издание «Китай: история, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость» (Китай... 1940), одним из редакторов которого был В. М. Алексеев. Это первый серьезный академический сборник справочных статей о разных аспектах истории, науки, культуры Китая, статьи для него писали виднейшие Китаеведы своего времени. Перу В. М. Алексеева принадлежит многократно с тех пор переизданная статья «Китайская литература: историко-библиографический очерк» (Китай... 1940: 282–299), Г. О. Монзелером написана статья «Религии в Китае» (Китай... 1940: 273–281), прочие статьи рассказывают об искусстве, науке, образовании, т. е. о тех же

сюжетах, что и статья В. М. Алексеева о духовном быте, стиль всех статей сух и академичен, изложение строится на привлечении различных письменных источников, а не на дневниковых записях о путешествиях. Очевидно, что по стилю и направленности предлагаемая вниманию читателя статья В. М. Алексеева для помещения в сборник «Китай» абсолютно не подходила.

В тексте статьи много выдержек из дневников. Вот номера страниц, на которых начинаются наиболее длинные отрывки: 85, 125, 127, 129, 155, 162, 214, 225, 237, 322, 327, 329 (Алексеев 2012). В статье, естественно, хронологический порядок не соблюдается. Помещенные в иной контекст, многие тексты приобретают совершенно иной смысл. Поэтому если печатать «Вопросы духовного быта», то только целиком, так, как они были задуманы автором.

Рукопись статьи хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ф. 820 (академик В. М. Алексеев), оп. 1, д. 460 (ранее — 432) «Вопросы духовного быта». Небольшие листки рукописи в количестве 85-ти помещены в конверт, помеченный овальным штампом с текстом 不愠藏書齋。亥 1492. Professor Alexeiev's Collection. (Бу-юнь-чжай (Кабинет без обид). На конверте рукой ученого написано: ГЛАВА / СПРАВКИ О КИТАЕ. ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО БЫТА. РУКОПИСЬ. В ЭТОЙ РУКОПИСИ ВСЕГО 84 ЛИСТКОВ И 85 СТРАНИЦ. Ниже приписка красным карандашом: «Прошу, переписав, вернуть мне оригинал и дать копию». Никаких иных копий обнаружить не удалось. На втором листе имеется виза «Печатать по возможности. 9.8.41. ДТ», на основании которой документ датируется в архивной описи: «Не позднее 9 августа 1941 г.». Расшифровать подпись с определенностью не удастся, возможно, что речь идет о Дмитрие Ивановиче Тихонове (1906–1987), сотруднике ЛО Института востоковедения в 1936–1961 гг., уйгуроведе. Во время блокады Ленинграда он исполнял обязанности ученого секретаря института: В. М. Алексеев свидетельствует, что в 1941–1942 гг. от Д. И. Тихонова зависело присуждение ученых степеней оставшимся в городе сотрудникам (Алексеев 1982: 104).

Текст не делится на главы, но некоторые строки подчеркнуты красным карандашом:

1. Религиозный уклад Китая;
2. Китайская народная религия;
3. Религия живых людей;
4. Религия просвещенных классов и интеллигенции;
5. Буддизм;
6. Даосизм;
7. Три учения;
8. Христианство;
9. Магометанство;
10. Остальные религии — иудейство, несторианство, манихейство;
11. Борьба Нового Китая с религией;
12. Спиритизм;
13. Сектантство;
14. Мораль;
15. Суеверия;
16. Праздники старого быта;
17. Посты;
18. Обрядность;
19. Прием гостей;
20. Образование;
21. Наука;
22. Искусство;
23. Народное искусство;
24. Театр.

Схема, особенно в самом начале, очень напоминает восстановленную по черновику схему статьи о китайской морали. Скорее всего, В. М. Алексеев использовал уже имевшиеся материалы,

добавив антирелигиозного и антиклерикального пафоса. Первые 13 пунктов так или иначе посвящены наблюдениям над религиозной жизнью китайцев в эпоху перемен, 6 пунктов — тому, что В. М. Алексеев в предполагающейся газетной публикации декабря 1949 г. не без остроумия назвал *повадками китайского народа*, завершается статья сведениями о культуре. Это скорее публицистический, полемический текст о том, как китайский народ изживает религиозные предрасудки, имея перед собой в качестве идеала советскую модель. В статье много этнографических наблюдений, ранее не публиковавшихся, они вызвали непосредственный интерес у участников последних Кюнеровских чтений МАЭ РАН, что и побудило меня опубликовать статью целиком, без изменений, только снабдив иероглификой, отсутствующей в оригинальном тексте.

Для более правильного восприятия текста напомним слова самого В. М. Алексеева о своем отношении к религии: «...должен указать на очень рано привитый мне отцом навык посещения церковной службы. Навык этот был усугублен поступлением моим в местный церковный хор (еще до гимназии) и затем добровольной обязанностью тещи в приходском храме. Мне трудно сейчас вспомнить, что, собственно, влекло меня к храму, посещению всех служений, утрени с четырех часов утра и т. п. Возможно, что для меня церковная служба и обстановка были единственным эстетическим наслаждением. Возможно, что поощряемая всячески польза от меня серьезному делу восхищала меня и ободряла к усердию без всяких границ. Или, наконец, просто любовь к театральному самопоказу и мелкое честолюбие выдвигаемого среди мальчишек в первый ряд — одним словом, это ревностное усердие не имело истинно религиозной почвы, ибо, раз выйдя из полосы наивного религиозного суеверия, я остаюсь черствым и холодным, спокойным агностиком» (Алексеев 1962: 267). Однако и публикуемая сейчас статья, и многие другие тексты В. М. Алексеева, в которых он неизменно яростно критикует миссионеров в Китае и всех служителей культа, свидетельствуют о том, что именно «спокойным» агностиком В. М. Алексеев не был, он проявляет себя скорее яростным антиклерикалом. Интересно, что в рукописи есть некоторое количество редакторских правок, целью которых являлось смягчение яростной риторики В. М. Алексеева, при публикации статьи мы постарались показать эти замечания и исправления.

Т. И. Виноградова

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В. М. Мораль на китайской народной картине. Конспект лекции // СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Д. 449. 1929.

Алексеев В. М. Вопросы духовного быта // СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Д. 460. 1940.

Алексеев В. М. Автобиография китаеведа, доцента Петроградского университета, младшего научного хранителя Азиатского музея Академии наук Василия Михайловича Алексеева // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1962. С. 266–270.

Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М., 1966.

Алексеев В. М. Некоторые даты жизни и деятельности В. М. Алексеева, отмеченные им самим // Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М., 1972. С. 147–160.

Алексеев В. М. Константин Константинович Флуг // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 101–105.

Алексеев В. М. В старом Китае. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Виноградова Т. И. Что такое «утопический монизм» Су Сюня (по материалам Синологической картотеки академика В. М. Алексеева) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. 1. С. 288–295.

Виноградова Т. И. К публикации статьи академика В. М. Алексеева «Китайская народная картинка как социальный заказ и как классовое выполнение» // Этнография. 2020. 1 (7). С. 76–93.

Китай: история, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей / под ред. акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова. М.; Л., 1940.

Westermarck E. L'origine et le développement des idées morales. Paris, 1928.

ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО БЫТА
РУКОПИСЬ. В ЭТОЙ РУКОПИСИ ВСЕГО 84 ЛИСТКОВ И 85 СТРАНИЦ

Прошу, переписав, вернуть мне оригинал и дать копию

2. Печатать по возможности. 9.8.41. ДТ

Изжитый в Советском Союзе религиозный дурман в Китае далеко еще не изжит, и китайское общество, особенно колоссальные массы неграмотных людей, живут опутанные религиозной традицией и религиозным укладом жизни не меньше и не слабее, чем в дореволюционной России.

Действительно, религиозный уклад Китая и до сих пор напоминает старую «святую Русь». Великолепные, величественные храмы рядом с убогими жилищами⁴, несметное количество паразитов-монахов, собирающих деньги тут же, у иконы; вотивные приношения богу как благодарная памятка ему о совершенных им «чудесных исцелениях» (картонные глаза, уши, груди и т.д.); крестные ходы неистовой толпы с преобладанием женщин; вмешательство религии в каждый момент частной и общественной жизни; стуканье лбом в пол церкви молящихся; пламя свечей перед алтарем; ризы, золото, роскошь в храме⁵ и в то же время исключительная бедность народных масс; вой жрецов, проповедь будущей жизни, в которой зачтутся все страдания земные и т.д. Картинка, совершенно совпадающая с давно известным и изжитым нами.

Однако при всем этом сходстве по существу формы китайской религии, в которой христианство, будучи в Китае таким же «импортом», как и в старой Руси, не пустило таких же глубоких корней, конечно, иные, и впервые наблюдающий их не сразу их отметит.

Так, прежде всего, в Китае нет и никогда не было того, что мы называем у себя церковью⁶, т.е. общины людей, открыто исповедующих ту или иную религию и подчиняющихся всяческой иерархии. Все такие люди были монахами и этим самым к обществу обычных «светских» людей не принадлежали. Этим людям никаких официальных почестей не воздавалось (и не воздается), «церковь» отсутствует, и поэтому нет и не было речи о связи ее с государством. Правда, богатые царицы, конкубины царского гарема, евнухи строили пышные храмы, содержали монахов и т.д., но все это — в «частном» порядке, без поддержки государства как такового, тем более что конфуцианские партии, составляющие всегда правительство, выражали монахам полное презрение, не упускали случая преследовать их и громить, считая их тунеядцами, вредным элементом. Считается классическим по идее и форме обличение Будды и монахов, смело поданное увлеченному буддийской верой императору ученым академиком и министром Хань Юй'ем (IX в.). В этом обличении с необыкновенным красноречием изложено все зло, которое представляют для китайского общества монахи. Также и у простого народа в пословицах не было злее нападок, чем на монахов. Никакая цензура никогда не действовала в Китае в защиту и оберегание монахов. Все это сильно отличает Китай от старой Руси.

Далее, при всей той громадной роли, которые монахи играли и играют в китайском быту, от них решительно отнято право вмешательства в брачные церемонии, родины, «крестины», и проч., и даже простое появление монаха на какой-либо такой церемонии может кончиться его избением и убийством. Зато на похоронах они заслоняют собой все и всех. Главным же отличием религии китайской от русской было всегда отсутствие церковной монополии, как у христиан, мусульман, иудеев⁷ и т.д. Никто и никогда в Китае не вписывался в рубрику «какого вероисповедания»,

⁴ Зачеркнуто: напоминающими скорее скотское стойло.

⁵ Зачеркнуто: и бедный люд, милящийся со своей скудной жизнью во имя этой будто бы «своей» роскоши.

⁶ Зачеркнуто: («Господнею»).

⁷ Зачеркнуто: иудеев.

что-либо вроде буддист, даос, конфуцианец и т.д., и китайцы, приезжавшие в Россию, над этим пунктом просто хохотали и издевались и писали «конфуцианец», чтобы только сделать полиции одолжение. Китайская религия есть вера, во-первых, в доброго духа, во-вторых, в злого беса, на которого можно пожаловаться или доброму духу, или бесовскому начальству. Самый простой тип китайской иконы есть доска с золоченым иероглифом ШЭНЬ, (добрый) дух, и доска с талисманной надписью: «Прочь (злые духи)!» Очень ясно, что при таком понимании религии китайцу не важно, как называются эти добрые и злые духи, но он охотно прислушивается к тому, что о них рассказывают различные фантазеры, ходит в храмы, жжет свечи, дает деньги монахам, которые ходатайствуют о нем и о его бедах либо перед добрыми духами (выбор их огромен), либо перед злыми (имена которых известны лишь заклинателю). Все духи хороши, когда помогают, и заслуживают брани и презрения, когда не помогают. Чтобы набрать их побольше, например, в заупокойном служении и на похоронах богатые люди приглашают служителей всевозможных культов: бонз (хэшанов), лам, даосов, монахов и монахинь... Они с удовольствием приглашали бы следовать за гробом (и не поскупились бы на плату!) европейских монахов и монахинь, попов, ксендзов, пасторов *tutti quanti*, если бы те согласились идти за гробом вместе с «желтыми»⁸. В 1926 г. в Шанхае очевидцу пришлось простоять в деловой части города чуть не целый час из-за гигантской похоронной процессии, в которой приняли участие (вероятно, на пари) буквально все монахи, каких только можно было набрать для этого в Шанхае и его окрестностях. Известный китайский анекдот рассказывает, как душа покойного пожаловалась сыну, что буддисты велят ей идти к Будде (на запад), даосы — к Лао-цзы (на восток) и рвут ее на части своими усердными заклинаниями. На храмовый праздник идут толпами, не разобрав, какая тут действует религия, всем духам молятся одинаково, даже явно презирая «специальность». Так, Будде, монаху, учившему только о смерти как об избавлении, ставят свечку, чтобы помог родить детей, накопить денег, ущемить врага и т.д.; военному генералу Гуаню молятся о деньгах, и вообще мольба о деньгах и о мужском потомстве (скрыто: против женского) универсальна по своему адресу.

Разнообразнейший храмовый статуарий едва известен даже самим жрецам, не говоря уже о верующих, и очевидцы подтверждают, что даже статую ученика Конфуция зашедший в храм солдат называл Буддой. Все это сильно отлично от сурово-религиозной Европы, которая не потерпит, чтобы еврей пришел молиться богу в христианский храм, хотя он весь наполнен еврейскими песнопениями (псалмы Давида, Пятикнижие Моисеево, пророчества Исаяи, книга Иова и т.д.), или чтобы «православный» зашел к католикам, или, наконец, чтобы кто-либо вообще пришел не в «свою» (приходскую) церковь.

Кстати, в Китае храм есть, а прихода — нет. Никаких денег от казны храм не получает и содержится на милостыню. Никаких правительственных орденов монахи не имеют, да и служат сами по себе, не обращая внимания на то, слушает ли их кто или нет (иногда даже выгоняют мешающим им). Храм чинится только тогда, когда кто-либо возьмется за это дело самолично (иначе монахи все потратят на себя). Вместе с тем храм, его дворы и незакрытые здания (иногда это целый город, монастырь) считаются публичным бесплатным местом для прогулок. В нем можно останавливаться, как в гостинице, кому угодно, и даже иностранцу, которого никто в свой семейный дом не пустит. В храме-монастыре есть театр, помещающийся напротив главного алтаря, чтобы и бог мог развлечься от скуки. Театр дает, конечно, доход монахам, а то, что зрители стоят к богу спиной, никого не трогает и не возмущает. Предприимчивые монахи сдают храм под опиумокурильни, и очевидцы подтверждают то, что еще не так давно в знаменитых храмах нельзя было пройти между рядами зловещих ламп и одуревших полутрупов, валяющихся тут же рядом. Иностранец-фотограф за малую мзду привратнику снимает с икон и статуй мешающие ему ризы, снимает с алтаря мешающие ему вещи и т.д. Попробовал бы он сделать это, например, в Италии или Испании!

⁸ Зачеркнуто: и пренебрегли своей расовой гордыней.

Да и само правительство распоряжается храмами без всякого к ним уважения. Постой солдат без церемоний складывает что-то в кучу куда-нибудь в угол, на алтаре устраивает койку-другую, благодарственные духу надписи (хорошее дерево!) идут в костер. «Личные» помещения монахи сдают под торговые помещения, фотоаппаратам, гадателям, часовщикам и т.д.⁹

Наконец, в китайском языке нет слов «религия», «бог», «святой», «угодник», «молитвенник», «богородица», «бессемянное зачатие» и всего ассортимента христианства, которое, проникнув в Китай с разными сектами, вступило между собой в драку за преобладание и, между прочим, за эти термины, так и не решив до сих пор, как же в конце-то концов по-китайски будет «бог», так что до сих пор один китайский перевод Библии не похож на другой, да и первородный грех, искупление, ангел, архангел, промысел божий христианская паства из китайцев-протестантов вряд ли знает в своей близости «по духу» и «по богу» пастве католической. Друг с другом не знают, друг к другу не ходят, держатся обособлено, но поближе к своим иностранным «пастырям»¹⁰, у которых можно в случае чего найти защиту от своих судей, покровительство и работу. Кроме того, знание иностранных языков, добываемое от миссионеров, никогда не повредит, а рекомендация в услужение иностранному торговцу тем более.

Таким образом, культурная Европа, израсходовав на христианизацию Китая суммы, для китайского бюджета по просвещению неслыханные, внесла в общее зло немало, но не заменила, как надеялись, старые китайские религии, а лишь добавила сумбура и всяческого хаоса и бесчинства. Переходя к краткому «репертуару» китайской народной религии из наиболее известных и общих всему Китаю богов, нужно упомянуть на первом месте богов мертвых душ, распределяющих их в своих, правда, незримых по идее, но точно скопированных в храме с правительственных канцеляриях с их приемными отделами столоначальников, кабинетами заведующих и т.д., которые наполнены идолами-куклами, одетыми по принятой китайской казенной форме. Душа умершего поступает сначала в камеру (храм) местного бога (Ту-ди Е), который в общем административном порядке для живых преступников (а с точки зрения китайского правосудия всякий обвиняемый прежде всего преступник!) препровождает душу в уездный город, в храм города (Чэн-Хуан), который уже устроен как полноправная судебная инстанция, и производит первое дознание. Далее душа пересылается в префектуру (Чэн-Хуан Фу), в столицу (Цзиньши Чэн-Хуан) и, наконец, в громадный храм Восточной Горы (Дун Юэ мяо), где сидит главный бог мертвых, располагающий десятью Отделами грехов (по специальностям) с приказом пыток и казней, весьма наглядно демонстрируемых в храме скульптурными группами, которые выставлены для обозрения и устрашения верующих. Все эти храмы-канцелярии-застенки обильно увешаны прямоугольными роскошно лакированными и золочеными досками с надписями, приносимыми как свидетельства веры наиболее благочестивыми людьми, которым бог будто бы в чем помог, хотя он, собственно, бог только мертвых, а не живых (в китайской религии специальности мало уважаются!). Эти надписи говорят прежде всего о всевидении бога, от которого никакой грех не укроется («Ты видишь в могиле, ты проникаешь в жизнь!», «Ты наблюдаешь и созерцаешь все в своем блистательном великолепии» и т.д.) и т.д. и далее о его справедливых карах за грехи и благих воздаяниях за благое («Награждаешь и караешь с величайшей справедливостью», «Здесь весы (добраго и злого)» и т.д.). И затем эти храмы украшены всевозможными вотивами, из которых некоторые определенно намекают на специальность бога, которую верующий жертвователю желает использовать для спасения своей души. Таковы, например, бесчисленные письменные принадлежности (кисть, бумага, тушь и т.д.), нужные богу для записи всего хорошего (о плохом после этой взятки нет речи), что бог имеет поставить в заслугу жертвователю и наградить его.

Переходя теперь от религии мертвых душ к религии живых людей как непосредственно сплетенной с практической моралью и практикой, но имеющей еще более непосредственную связь

⁹ Зачеркнуто: «Торгующие во храме» Китая не дождутся неистовствовавшего бича, как в Иудее.

¹⁰ Зачеркнуто: добрым.

с религией мертвых как культ мертвых¹¹, отмечаем религию патриархальную, с культом предков, которые и после смерти нуждаются в заботах, хотя и условных, со стороны живых. Огонь превращает покупаемые на тот свет для покойника предметы (экипажи, утварь, деньги и т.д.), сделанные, конечно, игрушечным порядком из бумаги, в настоящие, по моде того света! Нужно о предках помнить всю жизнь и все время. Кладбище должно быть избрано особым магическим компасом в руках опытного гадалателя, и это место надо откупить какую бы то ни было ценою. От этого весь Китай покрыт могилами, занимающими иногда большие пространства (особенно императорские и мандаринские), отнимающие у живых хлеборобов землю и хлеб. Это религия *сяо* (сыновнего благоговения) лежит в основе всей частной и общественной морали и даже судопроизводства¹².

В соответствии с патриархальной религией и культом предков смерти вообще китаец уделяет чудовищное, чрезмерное внимание. Дом в трауре желает себя отличить от других по всем статьям и надолго (по родителям — около трех лет). Вместо красных надписей на дверях, косяках, карнизах и повсюду — синие. Картины, содержащие веселые красные краски, заменяются другими, из которых они изгнаны; надписи заменяются печальными, ближайшая родня носит грубые халаты из посконного небеленого холста. Гроб стоит в доме до тех пор, пока не находят с гадалелем места, где похоронить тело, и смердит, отравляя всем жизнь, и только богатые могут его спровадить на это время в храм и залить щели гроба лаком. Чиновники уходят на это время со службы, семья разоряется надолго, иногда навсегда. За место для гроба (не на кладбище) взимается все, что только возможно. Ритуал похорон обставлен с предельной пышностью и довершает разорение семьи. Покойника обязательно несут в тяжелом двойном гробу и тяжелом балдахине, для чего требуется несколько десятков носильщиков; перед ним несут всякого рода древние символы почтения к важной персоне, что также требует нескольких десятков людей. Женщин сажают в экипажи, и их тоже немало. Одним словом, одна похоронная обрядность может истощить благосостояние и терпение семьи надолго. Свадьба стоит так дорого, что бедный человек при всей своей готовности вступить в брак и при почти враждебном отношении к холостяку со стороны китайского общества прямо не в состоянии оплатить гадалателя, сваху, выкуп, подарки, кортеж и прочее и в отчаянии предпочитает вовсе отказаться от свадьбы. Наконец, обычай бесконечных взаимных подарков при всяком семейном событии или просто к празднику порождает невероятно сложные отношения и счета, громоздящиеся одни на другие и мешающие жить свободно.

Далее идут религии божеств, заведующих распределением благ, именно — детей и денег, которым имя легион. Из них наиболее популярны боги денег (Цай Шэнь, Хэ-Хэ, Лю Хар) и их глава бог Гуань (Гуань Ди) с символами благоволения, иллюстрирующими в Китае более, чем где-либо человеческую алчность (деньго-отряхающее дерево, золотой конь, монетный дракон, таз с драгоценностями, жаба с неизбывной монетой и т.д.), боги счастья и долговечности, домашние (Цзао Ван) и общие (Фу-Лу Шоу Сань Син, Шоу Лао), боги детей (Нян-Нян, Гуаньинь), их болезней — оспы, парши, газ и т.д. (Янь Гуан Нян-Нян, Тянь-Хуа Нян-Нян), боги-охранители входов (мэнь-шэни), изображения которых в виде суровых воевод наклеиваются на обе створки дверей, отгоняют нечистую силу, так же как и начальник бесов Чжун Куй, который изображается в виде свирепо замахивающегося мечом на непослушных подчиненных, также часто висят на стенах и т.д. Китайский пантеон необозрим (на его описание один миссионер положил десятки лет труда и десятки томов книг-альбомов, и сами суеверные китайцы положительно теряются в догадках, кому еще помолиться, и в конце года для круглого числа жгут (для претворения молитвы в жизнь благодатной силою огня) альбом «100 богов» (бо фэр) во главе с графическим изображением «Главного бога всех богов и всей природы», который есть как бы резюме всех сил небесных и земных. Таким образом можно никого не пропустить.

¹¹ Зачеркнуто: предков.

¹² Зачеркнуто: и от нее отстать Китаю будет, кажется, труднее всего.

Такова религия народная. Что до религии пресвященных классов и интеллигенции, то они, собственно говоря, и по учению Конфуция, в своей основе глубоко атеистическому, считают себя атеистами и, если они истинные конфуцианцы, то они, пожалуй, за таковых могут быть принимаемы. В самом деле, никаких элементов, скажем, христианской религии конфуцианство не знает, ни откровения в «Слове» и духе, ни едиnorodного сына, ни бессемянного зачатия, ни бога отца-сына-святого духа, ни учения о чудесах и промысле и т. д. и т. п. Никто не ставит Конфуцию свечей и не молится ему о наживе и семье и вообще его вмешательства в жизнь никто не просит. Культ же Конфуция и храмы ему — не более как здания мемориального характера, без всякой религиозной сутолоки, как рядом с этим храмом — в массе буддийских и даосских храмов. Однако некрепким умам, несерьезным и слабым ученым, особенно преданным без меры женщинам своего гинекея и гарема, безграмотным и легковверным, не устоять против религиозного изуверства, особенно в так называемых трудных случаях жизни. Кроме того, буддизм и (реже) даосизм от времени до времени похищают в монастырь интеллигентов, и еще не так давно революционный писатель и ученый Лян Цичао к концу жизни стал воинствующим буддистом.

Религия предков этими людьми воспринимается и практикуется как высшее чинное поведение (*ли*), о котором учит Конфуций и которое достигло Европы в виде банальной карикатуры на «китайские церемонии». Этот хороший тон «джентльмена» (*цзюнь-цзы*), которым китайские снобы часто пускают пыль в глаза безграмотному народу. «Молитвы» предкам носят характер напыщенных деклараций и вряд ли напоминают молитвы «заступнице усердной» и «сладчайшему Иисусу», так что назвать и китайскую религию интеллигентов, и христианскую религию, например, католиков одним словом было бы ненаучно.

Буддизм в Китае существует в двух видах: для философов и для «толпы». Для первых это огромная, колоссальная библиотека сочинений, развивающих учение будды о дхарме, потоке сознания в абсолютное царство истины, которому мешает жизнь и все, что с нею связано. Для людей неграмотных это золоченые боги причудливого вида, принимающие «всякое деяние благое» и посылающие незримым путем что угодно. Кроме того, они отгоняют от дома бесов. Учение будды воспринимается лишь как учение о добрых делах в виде, так сказать, чистоганной молитвы, к которой можно после смерти купить себе рай и уйти из ада. Учение буддизма о метемпсихозе воспринимается весьма элементарно, но издает причудливый фольклор и далее литературу басен, повестей, романов. Однако верующий буддист — не совсем то, что верующий христианин, и буддистами (Ши, Сакья) себя называют только монахи и монахини, остальные же — только «хорошие люди», «верующие женщины» (*шань нань*, *синь нюй*).

Даосизм, в подражание буддизму, также имеет две фазы: фазу философскую и фазу обывательскую. Первая раскрывает учение о Дао, непознаваемом субстрате всех идей и вещей, и Дэ, его творческой эманации. Далее, это учение об отыскании Дао в вещах, в частности алхимическим путем, ведущим к открытию пилюли бессмертия и превращению в ангелоподобное вечно блаженное существо. Еще дальше, это овладение магией, ведущее к повелеванию нечистой силой и всеми тайнами природы. Даосские мыслители и писатели многочисленны, и китайская интеллигенция в части своих поэтов-фантазеров питается главным образом даосизмом. Но и буддизм, хотя более внешне, навеивает на китайского поэта свое очарование... разочарования («все нереально, все суэта... читайте, читайте буддистов — все поймете» и т. д.).

Для обывателя даосизм — это великолепные храмы, точь-в-точь как буддийские, с тьмой статуй, носящих причудливые названия («Темный Воевода», «Трое Чистых» и т. д.), у которых можно просить всего, чего хочешь. А главное, эти монахи (не всегда холостые), которые «умеют» изгонять нечистую силу письменными формами заклинаний, «мечами», состоящими из монет с каббалистическими надписями, горшками, куда они загоняют нечисть, и т. д.

Таким образом, во всех этих «трех учениях» (религиях?) больше всего питания книжного, и поделом о них говорят, что все трое сводятся к одному (Сань цзяо, и цзяо), т. е. все три могут удовлетворить и ученого, и обывателя.

Христианство пришло в Китай почти одновременно с магометанством, но оно не могло победить ни туземные религии конфуцианства и даосизма, ни иностранного буддизма. Тем не менее магометанство осело прочнее, отчасти благодаря большей определенности, уступчивости и аполитичности. Христианство философское имеет адептов очень мало, а обывательское — только в районе паствы данного миссионера. На него тратятся колоссальные суммы, даваемые «благочестивыми» богачами Европы и Америки, чающими «евангелизации темного» Китая и вместе с тем собственного за это самое возвышения в месте «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхания, но жизнь бесконечная», чему, впрочем, китайцев надо довольно долго учить, ибо у них есть свои на это домыслы, для которых, как и для учения Христа, всему миру не вмести пишемых книг.

Магометанство, между прочим, укоренило в своих общинах отвращение к свинине и заменило ее говядиной (что противно китайском духу). Себя то, конечно, именуют «чистым правоверием» (Цинчжэнь).

Остальные религии: иудейство, несторианство, манихейство — прошли в Китае бесследно, если не считать исторических памятников (надписей на камне, книг и т.д.). Китай — единственная страна, где иудейство никогда не отъединялось и не было обособляемо, где не было еврейских погромов и где еврейская нация была целиком поглощена китайской, если не считать некоторых юмористических отличий, изредка еще где-то наблюдаемых. Последние следы религиозного иудейства исчезли в половине XIX в.

Поэтому на сегодняшний день борьба Нового Китая с религией ведется не за замену ее новой, но за освобождение от ее навязчивых тенет и дурмана: эта борьба за новую жизнь. Советский Союз показал, как надо от религии освободиться, и современному Китаю остается только следовать его примеру. И это уже делается: брешь пробита, и к старому возврата нет. С развитием же грамотности и образования и последние ключья религиозного дурмана, пропитавшего весь китайский быт, рассеются, вместе с «культурным» европейским христианством, несущим в Китай в общем то же самое по существу, но чуждое ему и по форме, и по содержанию.

О спиритизме, может быть, и не стоило бы говорить, если бы он не был тесно связан с нравственной религией даосско-буддийского толка. Планшетку с костью, чертящую по песку, можно часто видеть в популярных храмах (собственно, в храме святого демонолатра Люй Дунбиня), и «результаты» этих благочестивых радений публикуются в виде «побуждающих к добру писаний» (цюань шань вэнь) самыми крупными в Китае тиражами, скупаются благочестивыми богачами и бесплатно раздаются при храмах и на рынках каждому. Так религии придается вид общественного служения. Однако жертвою такого служения являются только малограмотные обыватели, которые увидят, что надо, отнюдь не из этих благоглупых «писаний».

Китайское «сектанство» ввиду отсутствия «православия» (ортодоксии), собственно, вряд ли существует, но этим словом европейцы называют обычно тайные общества, преследовавшиеся богдыханским правительством и имевшие в своем уставе особые катехизисы. К таким «сектам» относится и секта «боксеров», наделавшая столько шума в 1900 г. «Сект» в Китае очень много, вряд ли их можно зарегистрировать. Никакие «церкви» с ними не борются, а при республике они сильно увеличились в числе и вылезли на свет со своими книгами и молитвами.

Таким образом, религия и религии в Китае, по существу, то же проявление бессилия человеческого ума против зол жизни, бороться с заскорузлостью которой человек предпочитает самоотречением, самоуспокоением и попытками убеждающих слов. Но формы этих религий иные, и изучение их, внимательное и серьезное, много поможет изучению мировых религий и рождавшихся из них культурных надстроек. Пока же в этом направлении сделано мало и плохо.

Китайская мораль составляла основной предмет преподавания в китайских старых школах, и само учение Конфуция есть учение о примате морали. Однако конфуцианец-чиновник и мандарин грабили народ как последний из разбойников — всё это со словами о строжайшей морали и любви к народу на устах. Мораль была организованным лицемерием.

Однако тот же кодекс той же морали создавал отдельные типы благородных людей, аттестованных в истории, которой мы в данном случае не верить не можем, да и факты налицо. Так что Китай пока не составляет исключения, и морали прописные в нем, как и везде, чередуются с честными историями. Буддийская мораль пленяет большею частью женщин. Она распространяется быстрее конфуцианской «честными мужьями и верующими женами» (буддистами) и в настоящее время в большом ходу. Христианская мораль китайскому обществу чаще всего чужда. Примеры советской коммунистической морали были показаны советским Китаем, и ее пропаганда действует.

В старом Китае идеологическая обработка взрослого населения была чрезвычайно затруднена общемо безграмотностью, особенно женщин, но все же проводилась на началах конфуцианского учения об обожании монарха как отца и чиновника-правителя как его представителя. Это проводилось в стенных листовках (обычно в форме простых стихов) и народных картинах, а в городах соответственной литературой. Новый Китай обрабатывается на основах учения Сунь Ятсена о трех фазах китайской демократии, выступлениями партийных руководителей Гоминьдана, листовками и многочисленной литературой, которая, по существу, монопольна. Кроме того, развитие прессы создает картины, вряд ли отличающиеся от европейских.

Суеверия в Китае распространены повсюду пропорционально состоянию грамотности и просвещения. Около 20-ти томов потребовалось католическому патеру (Доре) для описания китайских суеверий, в число которых он добросовестно включил все китайские религии и вообще всё китайское. О своих католических суевериях патер умолчал, ибо в них, по его мнению, почивает истина, распространяемая путем высмеивания чужих заблуждений «для вящей славы божьей».

Борьбою с суевериями занимается в Китае и правительство, изымая из продажи талисманы и иконы, публикуя листовки, но, вероятно, раньше, чем просвещение распространится повсюду, с этим злом бороться пока трудно, и в этом отношении пример Советского Союза является решающим.

Китайские праздники старого быта, большей частью религиозного происхождения, и даже те из них, что по существу религии чужды, обставлены исключительно религиозным порядком. Так, длительный праздник Нового года (по лунному календарю, с солнечным не совпадающим) происходит под треск петард (старомодные петарды делаются из нарезок бамбука), имеющий назначение пугать нечистую силу для обеспечения на весь год безмятежного покоя (пинъань). «Провожают» на небо домашнего бога (Цзао Вана), чтобы он «взойдя на небеса говорил (доносил) о хороших делах (семьи), а вернувшись в свой киот, дал семье полное счастье».

Затем вспоминают вообще всех богов (круглым счетом — сотню) и их убаготворяют. Праздник Нового Года в старом Китае, не знавшем выходных недельных дней и привыкшем к неустанной работе с утра до вечера, был действительно праздником, и весь Китай погружался в шумное безделье, распространенное на всех: даже лавки запирались на десять дней, а то и больше. Новый Китай еще держится своего праздника, но деловая жизнь дает себя знать, и вскоре все сведется к европейским шаблонам. Другой крупный праздник, 5 числа 5 лунного месяца, также длившийся с десяток дней и совпадавший с началом жары, был обставлен не менее религиозно и, как всегда, главным образом усердными заклятиями против нечистой силы.

Старомодный Китай и до сих пор в этот день вывешивает на дверях бумажные талисманы против нечистой силы, а также против скорпионов, стоножек, пауков и т.д., нападающих на детей и мучительно им вредящих. Тем не менее и этот праздник был шумным, и в тех местах, где была вода, устраивались большие лодочные состязания, причем лодки раскрашивались и имитировались под дракона. Осенний праздник восьмого (лунного) месяца посвящен культу луны и ее божеств, в том числе и «вечного зайца», толкущего в ступе лекарство бессмертия (особое истолкование пятен на луне), тоже с шумом и треском, но без длительности. Праздников вообще в китайском быту очень много, и они хорошо описаны в специальных сочинениях и китайцами, и европейцами. Однако сделать отсюда вывод о вечном празднестве китайцев и их праздной жизни было бы неправильным. Китаец любит повеселиться, но любит и трудиться, отдаваясь целиком и веселью,

и труду. Труд же его всегда сосредоточенный и довольный. Китаец необычайно работоспособен, полон инициативы и жизнерадостности. Когда работает и поет, то никаких грустных мелодий не услышишь, наоборот, то будут чаще всего бравурные оперные арии о подвигах знаменитых воевод китайской истории и вообще героев.

При исключительной умеренности в пище и при ее скудном растительном однообразии (лапша на воде с солеными овощами на севере и рис с несложной приправой на юге) китайцу посты не нужны, да и религия не насаждает на него так свирепо, как в старой России и «святой Руси», где 20 недель из 52 были отведены под всеобщий суровый пост. Постятся женщины, контролируемые буддийскими монахами, и сектанты-изуверы, но в быту этого нет. Между прочим, скоромным считаются и рыба, и всякое масло, и горячее, и... чеснок.

Китайская обрядность происхождения, конечно, религиозного, но в быту она уже разделилась на религиозную и светскую. В самом деле, так называемые «китайские церемонии» происходят из религиозного обряда чинного поведения в храме предков. Самое слово *ли* «церемонии» состоит графически из «бог» + «сосуды», т.е. сосуды перед семейным богом, их порядок и благоговейное с ними обращение.

Давно уже вошли в быт как учтивость, так и этикет. Два неграмотных рикши-извозчика, бегущие друг перед другом, вдруг бросают оглобли, становятся в стройную чинную позу — руки по швам — и, сдерживая дыхание, в изысканных выражениях осведомляются о здоровье и прочем, потом оба сразу бросаются к своим экипажам и бегут дальше. Церемонии вывели из вежливого обращения местоимения «я» и «ты», заменив их самоуничижительной формулой для первого и комплиментом для второго лица. Самый грубый и безграмотный человек знает, что нельзя спросить «Ты, как твоя фамилия?», а надо — «знатная (т.е. Ваша уважаемая фамилия)?», или не «Дорогу, эй ты там!», а «Заимствуюсь светом (Вашей уважаемой личности и позволяю себе потревожить Вас», т.е. «прошу прощения» — и так на каждом шагу. Это не означает, конечно, что не бывает на улице брани, ссоры, драки, но во всяком случае их бывает несравненно меньше, чем примитивных отходоу от них и, наоборот, обязательной предупредительности и обязательного комплимента.

В старом Китае прием гостей был обставлен значительными «китайскими церемониями», где этикет был разработан до мелочей, малейшее несоблюдение которых было причиной негодования и ссор. Прежде чем войти в гостиную из передней, гость и хозяин успевали наговорить друг другу сотни разных комплиментов, аргументирующих за право войти вторым. Никакой комфортной мебели в гостиной не полагалось, надо было выпрямившись сидеть на красивой, но жесткой и неудобной мебели бок о бок с хозяином и говорить в пространство.

Пить чай полагалось по регламенту в определенные моменты и т.д. Ни одна женщина из семьи не допускалась в гостиную, если только это не было родственным посещением. Ни смеха, ни непринужденности не полагалось. Снять шапку и пояс было бы оскорблением.

Новый Китай в основу своих бытовых взаимопосещений стремится положить свободную непринужденность американского типа, но это пока еще не удается, и стереотипные формы притворной вежливости все еще преобладают, так что, например, встречаясь на улице, требуется снять очки в знак почтения — форма вежливости, Европе неизвестная. Однако нет сомнения, что и на этом труднейшем из фронтов европеизм (или американизм) возьмет верх или во всяком случае сделают свое.

Еще не так давно всякое схождение женщин с мужчинами в публичных местах было прямо немислимым, не говоря уже о сближении такого типа, как танцы обнявшихся фигур. Однако европеизирующийся Китай теперь знает и это, и, хотя старики ворчат и негодуют, молодежь к этому быстро привыкла и исполняет танго и фокстрот даже в своих национальных костюмах.

Эти же китайские церемонии, связанные с совершенно сверхчеловеческою боязнью китайца «потерять лицо», т.е. быть поставленным в такое положение, при котором даже «церемонии» не прикроют сущности подлого поведения. Правда, что в понятие «потери лица» входят даже такие

простые вещи, как отказ (например, в ссуде денег), и этим объясняется всегдашняя боязнь китайца говорить о деле прямо, без третьих лиц и посредников всякого рода, что донельзя затрудняет с ними общение европейцу, особенно нелюбителю «китайских церемоний».

Новый Китай в лице своих передовых деятелей стремится отделиться от сложных «китайских церемоний». Все, кто умеет писать на иностранном языке, предпочитают писать иностранцу не по-китайски, ибо эпистолярный стиль китайцев со своей громоздкой приторной, но обязательной церемонностью и целым набором не идущих к делу слов, предисловий, послесловий, комплиментов и самоуничижений, европейцу смешон и неприятен. Они отказываются также от обычая иметь по 2, 3, 4 и т.д. имени и сходят наконец на одно. Они устраивают свадьбы явочным порядком, без старой канители, одеваются по-европейски, чтобы избежать разных форм одежды при разных случаях жизни и т.д. Однако и с ними европейцу надо держать ухо востро, ибо и они необыкновенно чувствительны ко всяким проявлениям вежливости и невежливости и нередко видят то, чего нет, и смертельно обижаются.

Все же «китайские церемонии» сделали свое дело, и китайский народ, весь целиком, нужно охарактеризовать как ставящий вежливость в обязанность, уклонение от которой влечет самые тяжелые последствия. Грубость преследуется как преступление, и плохо тому, кто этого не понимает.

В связи с китайской патриархальностью стоит китайская площадная брань, в которой упоминаются все члены семьи вплоть до предка, и которая по ожесточению своему и «виртуозности» очевидно превосходит все известное у других народов (в частности, у русских). Однако эта грубость прощается только неграмотным, и употребить нечто подобное в своей речи человеку, «знающему церемонии» и просвещенному, в особенности иностранцу, значит вызвать презрительный смех и, пожалуй, плевков в лицо.

Старое китайское образование, состоящее из заучивания наизусть шедевров древней литературы, главного из упражнений, ведущих к овладению ею как своего рода речью, закончилось в 1905 г. С тех пор Китай строит свое образование не на китайском языке и литературе (истории, философии и т.д.), а на общеевропейской программе, в которой физике, химии, географии, европейским языкам и т.д. отводится 90 %, а на китайский язык не более 10 % часов. Поэтому нынешний образованный китаец обычно напоминает соответственно образованного европейца.

С другой стороны, приобретая себе Европу, китаец теряет Китай, и очень многие передовые деятели серьезно тревожатся за утрату китайцами способности к продолжению китайской культуры, которая ими не приобретается. Будет ли Китай только частью Европы-Америки, говорящей и пишущей по-китайски, или чем-то особенным: об этом ведутся бесконечные споры, и страна в этом брожении, как и во многих прочих, находится пока в переходном состоянии.

Китайская наука в ее дореформенном состоянии была исключительно гуманитарной по содержанию и средневековой по форме. В ее заслуги входит обширная историческая литература и историография, филологические разыскания в области китайского языка и немало материалов для изучения других языков; философская литература и изучение философии, литературоведение и текстология, археология, нумизматика и много других отделов знания, в каждом из которых китайцы трудились очень усердно и плодотворно, так что без их трудов западному ученому не обойтись. С другой стороны, китайская наука отстала от европейской и по методу, и по содержанию. Она никогда не владела сравнительным методом в излюбленных областях, и этих областей было в общем слишком мало: особенно отстали китайцы в области физико-математических наук, где им приходится усваивать европейскую науку целиком (как в свое время России). Новый Китай соединяет свои научные задачи и методы с европейскими, и даже свою страну изучает уже не прежними схоластическими, узконациональными методами, но на общих линиях науки о Китае, синологии, для каковой цели созданы и создаются многочисленные синологические институты и ведутся обширные исследования в области китайской литературы, философии, истории и других наук этого порядка.

Китайская медицина — наука, изложенная с давних пор в тысячах книг и знающая ряд успехов, не достигнутых в европейской медицине. Методы ее и лекарства сильно отличаются от наших и с нашей точки зрения причудливы и непонятны. Однако китайская медицина умеет радикально излечивать сифилис, туберкулез и часто ей удавалось излечить то, от чего отказалась медицина европейская. Ясно, что эту науку надо изучить сначала как объект, а потом, может быть, и как субъект, дать о ней точный отчет и сделать сравнения и выводы. Много в этом направлении уже сделано, многое еще предстоит сделать, если наша медицина перестанет быть самодовольной и самонадеянной выше меры.

В новом Китае европейская медицина конкурирует с китайской, но вряд ли успешно, поскольку «искусство» врача в Китае больше ценится, чем его наука. Кроме того, университеты Китая уже обзавелись факультетами китайской медицины, и когда профессия китайских врачей будет очищена от самозванных невежд и знахарей, можно будет говорить о китайской медицине как о целостной системе, имеющей оплодотворить европейские или же реформировать свои средневековые традиции на основе опытов мировой науки.

Китайское искусство известно нам с древних веков, еще до письменности, и является надежным критерием исторических фактов и дат. Это мощное искусство живописи, скульптуры, зодчества, музыки, поэзии. Европейскому миру оно уже известно, и на ряде великолепных альбомов, а равно и по музейным экспонатам можно убедиться в том, что это искусство мировое, способное влиять на европейское искусство как мощная новинка (несмотря на свой древний характер и условность). Это искусство дало не китайскому миру уже очень много. Признано, то китайское искусство бронзовых ваз XVII–XIII вв. до н.э. является непревзойденным; что китайская живопись в акварели и туши является самым красноречивым антагонистом протокольной живописи реалистов; что китайская архитектура внесла в науку и искусство новые формы и приемы; что китайская музыка подлежит внимательному изучению своих богатых мелодий и т.д. Музеи СССР, Европы и Америки полны предметов китайского искусства, идейного и прикладного, и вообще Китай известен и понятен нам в Европе прежде всего на предметах своего великого искусства тысячелетий.

Народное искусство в своих высших формах примыкает к «большому» искусству, прикладные стороны которого (китайский фарфор) вообще создавались народом, находящимся вне кадров образованной интеллигенции, которая, между прочим, всегда имела свойство презирать ремесленников за необразованность. Однако и в малых своих формах китайское народное искусство часто является близким к совершенству, и, например, китайская народная картина у всех художников вызывает восхищение. Не так давно в Америке вышел замечательный альбом искусства китайского столяра-решетчика, которое есть, несомненно, высшее из всего того, что до сих пор было в этой области где-либо достигнуто. В частности, орнамент простейшими линиями здесь достигает высочайшего разнообразия.

Искусство театра по своей популярности, вероятно, является первым в мире. Нельзя себе представить ни одного самого глухого уголка Китая, где бы ни побывала несколько раз в год театральная труппа. Искусство это — оперное по преимуществу, с голосами горловой постановки с мужскими исполнителями женских арий. Блеск роскошных костюмов (независимо от правды представляемых вещей), высокая мимическая, балетная, фехтовальная и гимнастическая техники, ритмы оркестра, изображаемые телодвижениями актера и певца, — все это гипнотизирует слушателя, который проводит в театре десятки часов подряд, слушая десятки идущих одна за другой опер. Бытовая комедия и фарс охотно посещаются, но не уважаются, тогда как историческая опера до сих пор доминирует.

Новый Китай пытается создать бытовой театр на манер европейского, но это удается с трудом, и проехавший по Европе, СССР и Америке в 1934 г. знаменитый китайский актер Мэй Ланьфан показал только старое традиционное искусство, без европейского влияния. Возникшие за последнее время боевые театры лагерей, вероятно, разовьются в нечто отходящее от традиций и создадут новые формы.

ИЕРОГЛИФЫ

Бо фэр, «100 богов» 百分兒
 Главный бог всех богов и всей природы 玉皇
 Гоминьдан 國民黨
 Гуань (Гуань Ди) 關帝
 Гуаньинь 觀音
 Дао 道
 Деньго-отряхающее дерево Яоцяньюшю 搖錢樹
 Дун Юэ мяо 東嶽廟
 Дэ 德
 Жабa с неизбывной монетой 三足金蟾
 Золотой конь 寶馬
 Ли 禮
 Лю Хар 劉海兒
 Люй Дунбинь 呂洞賓
 Лян Цичао 梁啟超 (1873 — 1929)
 Мэй Ланьфан 梅蘭芳 (1894 — 1961)
 Монетный дракон 青龍
 Мэнь-шэнь 門神
 Нянь-Нянь 娘娘
 Пиньянь 平安
 Сань цзяо, и цзяо 三教一教
 Сунь Ятсен 孫逸仙 (1866–1925)
 Сяо 孝
 Таз с драгоценностями, Цзюйбаопэнь 聚寶盆
 Темный Воевода Сюань-у 玄武
 Трое Чистых 三清
 Ту-ди Е 土地爺
 Тянь-Хуа Нянь-Нянь 天花娘娘
 Фу-Лу Шоу Сань Син, Шоу Лао 福祿壽三星 壽老
 Хань Юй 韓愈 (768–824)
 Хэ-Хэ 和合
 Хэшан 和尚
 Цай Шэнь 財神
 Цзао Ван 竈王
 Цзиньши Чэн-Хуан 京師城隍
 Цзюнь-цзы 君子
 Цинчжэнь 清真
 Цюань шань вэнь 勸善文
 Чжун Куй 鍾馗
 Чэн-Хуан, Чэн-Хуан Фу 城隍, 城隍府
 Шань нань, синь нюй — «хорошие люди», «верующие женщины» 善男信女
 Ши, Сакья 釋
 Шэнь 神
 Янь Гуан Нянь-Нянь 眼光娘娘

**ISSUES OF SPIRITUAL LIFE
(PUBLICATION, PREFACE AND COMMENTS BY T. I. VINOGRADOVA)***

ABSTRACT. The article “Issues of spiritual life” was written by academician V. M. Alekseev (1881–1951) in 1940–1941. The manuscript is currently preserved at the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Stock 820, inventory 1, file 460). Tatiana Vinogradova has examined published works and archive texts written by V. M. Alekseev between the late 1920s and early 1940s and devoted to various aspects of the Chinese culture, religion and morality. She concludes that V. M. Alekseev used the materials of his article “Chinese morals in Chinese popular prints” when he wrote the “Issues of spiritual life”. V. M. Alekseev appears to have considered the article “Chinese morals in Chinese popular prints” very important, as he tried to publish it many times, but now this text is lost. At the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Stock 820, inventory 1, file 449), the author has found only a draft of this article in the form of preliminary materials on cards, which allows to restore the article’s structure. Based on the materials of Chinese popular prints, V. M. Alekseev’s article aimed to reconstruct the system of Chinese traditional morality, while the “Issues of spiritual life” was devoted to the description of the religious life of China in the new historical conditions. The article is a product of the time, but its anti-religious pathos does not overshadow the very interesting ethnographic sketches found in it.

KEYWORDS: V. M. Alekseev (1881–1951), St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Chinese popular prints, Chinese morality, religions in China

VASILIIY M. ALEKSEEV (1881–1951) — orientalist-sinologist, prof., acad. of Academy of Sciences of the USSR. Archival publication

* The publication was prepared by Tatiana I. Vinogradova (Head of the Department of Literature of Asian and African countries, Russian Academy of Sciences Library)